

Деревья меняют листья,

Змеи меняют кожу,

Приходит циклон, и ветер

Меняет свое направление.

Как плавно перетекают

Друг в друга зыбкие формы,

Похоже, ты и не заметил,

Как совершил отречение...

И стоит лишь отвернуться,

А небо уже другое.

И все, что казалось бесспорным,

Поставлено под сомнение.

А нимбы бледнеют и гаснут,

И трепет по капле уходит,

Осталось совсем немного,

И ты совершишь отречение...

А есть ли на свете

Цветы, что не вянут,

Глаза, что на солнце

Глядят и не слепнут?

И есть ли на свете

Те дивные страны,

Где нимбы не гаснут,

Где краски не блекнут?

Как медленно и незаметно

Смещаются стороны света,

Моря, острова, континенты

Меняют свои очертания.

И каждый импульс подвержен

Невидимым превращениям,

И каждому атому счастья

Отмерен свой срок заранее...

А есть ли на свете

Цветы, что не вянут,

Глаза, что на солнце

Глядят и не слепнут?

И есть ли на свете

Те дивные страны,

Где звезды не гаснут,

Где краски не блекнут?

(C) Fleur

* * *

...Четверо путников шли через утреннюю степь. Вчерашний ранний отбой позволил всем встать почти что на рассвете.

Утро оказалось светлым и чистым, и поднявшееся над горизонтом желтое солнце заставило ночную росу превратиться в туман. Тот вскоре рассеялся, но пока, в преддверии дневного зноя, над степью сохранялась приятная прохлада.

Костер разводить не стали: было банально лень. Дэш не отказала себе в удовольствии пожевать осоки, и, как ни странно, к ней в этом вопросе присоединился перевертыш. Остальным пришлось довольствоваться консервами и галетами, но никто не был против.

Дэш все так же везла Гайку, а Олли шла сама, хотя перевертыш ей снова предложил ехать на нем.

Все спутники болтали о любимых блюдах, и пегаска как раз жарко отстаивала преимущества вольт-яблочного джема, в то время как мышка в красках расписывала достоинства швейцарского сыра.

Олли и перевертыш же, судя по всему, решили не вмешиваться в спор. А может, кто-то просто не пытался переводить каждый пустяк.

- Тихо, - вдруг сказала Гайка.- Вы слышите?

В наступившей тишине в шелест жиденькой травы на ветру вклинился странный звук, которому, казалось, совершенно не место здесь.

Рейнбоу Дэш даже не сразу сообразила, что глухое рычание и приближающийся лязг может издавать только мощный мотор внутреннего сгорания.

И точно, вскоре из-за холма показалось облако пыли, скрывающее в себе угловатые очертания машины непонятного вида и назначения.

- Тягач, что ли? - спросила Дэш.

- Чего? - спросил перевертыш.

- Машина, говорю, - пояснила пони, - чтобы переть тяжелые грузы, от которых дюжина земнопони пупы надорвет.

Собеседник, видимо, не понял, но расспрашивать дальше не стал, справедливо рассудив, что через минуту все увидит своими глазами.

Гайка же ничего не сказала, вглядываясь в пылевое облако. Даже встала на спине пони, чтобы лучше видеть, и приложила ладонь ко лбу, отгораживаясь от солнца.

- Это танк, - сказала она через некоторое время.

И точно.

Вскоре стало возможно разглядеть угловатую наклонную броню, хищно торчащее орудие и лязгающие по дороге стальные гусеницы. Боевая машина оказалась довольно архаичного вида: совсем не похожей на плавные формы современных танков, которые, к тому же, вот уже лет сорок как сменили традиционные гусеничные движители на антигравитационную подвеску с индукторами горизонтального смещения. Кроме того, военную технику перестали делать из голой стали, наверное, уже несколько веков назад, когда достаточно развились сложные кумулятивные боеприпасы.

Впрочем, это все знала только Гайка, вскользь изучившая курс об истории оружия. Рейнбоу в истории была не особо сильна, перевертыш обладал эквестрийскими воспоминаниями, а Олли все равно ничего не могла рассказать без посредника, который сейчас, очевидно, думал совсем

о другом.

Пони сошла на обочину. Оказаться на пути лязгающей многотонной машины ей совсем не хотелось. Остальные сочли за благо последовать ее примеру.

Впрочем, танк и не собирался пролетать мимо на всех парах и, уж тем более, давить случайных встречных. Уже в паре десятков метров он начал сбавлять ход, и вскоре остановился прямо перед компанией Идущих, обдав всех запахом солярки, смазки, пороховой гари и металла.

Поднявшееся облако горячей пыли на пару секунд обволокло всю компанию, отчего Олли громко чихнула, а Дэш и перевертыш прищурили огромные глаза.

Теперь стало отчетливо видно, что машине изрядно досталось: всю броню покрывали сколы от попаданий, очевидно, кинетических снарядов, кое-где грязно-зеленая краска была опалена огнем, а некоторые детали ходовой носили следы скорого полевого ремонта: выглядели поновее остальных, один каток казался значительно новее других. Как можно было предположить - запаска.

На боку угловатой башни красовалась потертая эмблема в виде красной пятиконечной звезды.

Люк рядом с башней открылся, и оттуда показался чумазый до черноты молодой человек в мягком кожаном шлеме и, похоже, военной форме.

На изможденном и исцарапанном лице оказались бледно-голубые глаза, внимательно изучившие всю компанию.

В конце концов, он обратился к ним на непонятном языке, хотя лично Дэш была уверена, что где-то уже слышала подобные звуки. Правда, никак не удавалось вспомнить, где именно. В кино, что ли? Или в виртуалке?

Танкист тем временем явно пытался что-то спросить, но никто из присутствующих его не понимал. Дэш уселась на круп и развела передними ногами, дескать, не врубаюсь, ты уж прости. Она очень надеялась, что этот жест человек поймет.

И точно. Тот скорчил страдальческую гримасу и обратился на другом языке, который Дэш узнала, но все равно не смогла ответить, так как данный диалект Европейского Гигаполиса не изучала.

По щеке человека при этом прокатилась скупая слеза, оставляя белесую дорожку в черной грязи. Судя по всему, человека одолевала какая-то срочная нужда.

- Что он говорит, Гайка? - спросила Дэш. - Я ни фиги не понимаю.

- Не уверена, - задумчиво отозвалась мышка. - Кажется, я расслышала слово «медицина» или типа того.

При этих словах танкист просиял, закивал головой и с надеждой воззрился на путешественников:

- Meditsina! Da! Doctor! Gospital!

Гайка, услышав еще знакомые слова, показала в сторону покинутого ущелья, за которым остался гостеприимный городок:

- Госпиталь. Там. Медицина. Доктор Салазар.

Танкист начал благодарить на смеси языков:

- Spasibo! Danke shón!.. - с этими словами он спрятался внутри машины.

Мотор взревел, подняв клубы черного дыма, и танк с грохотом и ревом поехал дальше по дороге. Вскоре он скрылся в ущелье, провожаемый четырьмя взглядами, но рык мотора и лязг гусениц был еще долго слышен.

- Странно, - сказала Гайка, нарушив затянувшуюся паузу.

- Что именно? - уточнил молчавший до сих пор перевертыш.

- Эта машина выглядит помятой, но относительно новой. Но такие уже лет триста не делают.

- Откуда ты знаешь?

Гайка пожала плечами.

- Видела в виртуалке старое кино про какую-то войну. А еще на курсах по истории оружия... но там о них совсем вскользь было.

- Я одного не пойму, - сказала Дэш. - Какого сена эта громыхалка делала на нашей дороге? И вообще, зачем это было?

- Думаю, мы это скоро узнаем, - предположила Гайка. - Мы ведь идем туда, откуда он приехал?

- Или назад, - добавил перевертыш, увидев, что Рейнбоу собралась возразить.

Пегаска подавилась словами, что собиралась произнести. Посмотрела поочередно на всех спутников и молча пошла по дороге, ворча под нос что-то невразумительное.

- Кажется, мы что-то сломали в этом мире, - наконец, саркастически сказала она с кривой усмешкой. - Уже третий, что ли, раз мы подвергаемся смертельной опасности, несмотря на заверения в обратном.

- Мы еще живы, - заметила Гайка, но Дэш было не пронять:

- Уж не благодаря «благости» этого ляганного мира! Черета случайностей.

- Но сейчас мы не были в опасности.

- Как же! Огромная железная хрень на гусеницах и с пушками, только что из боя- совсем никакой опасности! Ну обвал, ну волки-оборотни, ну козлом целованный лепреконт, лягать, с кем не бывает!.. Все же правильно не ждать от мира людей ничего хорошего - потом не придется разочаровываться.

С этими словами Дэш двинулась по дороге, чувствуя волну раздражения. Ей даже подумалось, что, может быть, стоило набить чумазую морду танкиста, которому могло запросто прийти в голову раздавить гусеницами странных существ на обочине просто ради забавы.

Олли и перевертыш переглянулись и пошли следом, хотя и держались на некотором отдалении.

- Дэш, - позвала Гаечка, уже привычным жестом погладив пони по шее.

Пегаска не возразила. Видимо, ей и вправду удалось преодолеть свой страх чужих прикосновений, по меньшей мере, в отношении мышки, и та это крайне ценила.

- Ну чего? - буркнула та.

- Все же хорошо, чего ты.

- Чего я? Жду очередной подлянки. Бандитов, например...

- Тут нет бандитов, Дэш.

- Ага. Как и опасностей. На хвосте я вертела все это.

- Поспорим? - вдруг улыбнулась мышка, и Дэш чуть не сбилась с шага.

- Че?! - обернулась она и даже остановилась.

- Если мы не встретим каких-нибудь разбойников... ну, скажем, за сегодня, то ты один раз поступишь так, как я говорю.

- В каком смысле? - прищурилась пони.

- Ну, когда придется делать выбор, ты послушаешься меня.

- А что будет, если встретим? - поинтересовалась Дэш, и потом добавила. - При условии, что мы останемся в живых.

- Тогда я буду тебя слушаться.

- Тоже разок?

- Нет. До конца пути, где бы он ни произошел.

Дэш поджала губы. Искушение было слишком велико.

- Идет, - сказала она, - и помни, ты сама напросилась.

Гайка, сидя на ее спине, улыбнулась. Рейнбоу цеплялась за свой психологический панцирь, хотя в том уже было столько прорех, что истинная понячья сущность все более явственно проступала наружу.

Мышка почувствовала, как сердце затрагивает волна теплой привязанности, и в это же время она напоролась на взгляд идущего рядом перевертыша.

Но тот ничего не сказал...

* * *

...Какое-то время компания шла молча: все мысли заняла странная мимолетная встреча со смертоносной машиной из прошлого.

Нарушила молчание Рейнбоу Дэш:

- Интересно, откуда взялся этот танк? Неужели сюда попадают и те, кто... - она оглядела спутников, - ну, погиб на войне?

- Не думаю, - отозвался перевертыш. - Ведь тогда их машина была бы неисправна?

Дэш подумала и предположила:

- Когда я... «покидала» тот мир, настоящий... во мне была куча дырок. А тут их даже на одежде нет. И старые шрамы некоторые рассосались. Может, и с машиной так же.

Начавшийся было разговор прервал порыв ветра. Не то чтобы сильный, но букет запахов, который был им принесен, заставил всех удивленно всмотреться вдаль.

Потому что гарь и жженный металл были совершенно не тем, что вязалось бы с ленивым покоем этого мира.

Слегка скрываясь за пологой возвышенностью, над степями мира Дорог клубился дым. Серая хмарь поднималась в небо не отдельными клубами, а сплошной массой, будто туман.

- Проклятье, - сказала Дэш, - и зачем я только спросила...

Она подсознательно ждала, что сейчас до слуха донесутся характерный грохот порохового оружия и взрывы, визг лазеров и треск разрядников, но нет. Все происходило в полнейшей тишине, отчего было еще хуже.

Когда вся притихшая компания поднялась на вершину гряды, никто не произнес ни слова.

Потому что наполовину скрытый бледным маревом пейзаж будто моментально перенес всех на какое-то поле боя.

Изрытая дымящимися воронками земля мира Дорог посерела от пыли и гари, рассеянный свет чего-то горящего пробивался сквозь довольно плотный дым, что неприятно раздражал ноздри и заставлял слезиться глаза.

К счастью, не наблюдалось ни мертвых тел, ни сожженной техники, что было, в общем, странно: судя по всему, заваруха тут была знатная, причем недавно. Что само по себе настораживало: уж грохот битвы такого масштаба должен был разноситься далеко окрест.

Впрочем, другая мысль принесла пегаске успокоение:

«А чего я, собственно, волнуюсь? Я ведь уже мертвая...»

Эта бравада вселила в пони достаточно уверенности, чтобы сделать первый шаг вниз по склону.

Дэш хотела было поделиться со спутниками своей мыслью, но отчего-то не хотелось открывать рот.

Мало ли кого могли привлечь звуки голосов, к тому же, наверняка и сами почували уже ...

Впрочем, и спутники не спешили вступать в беседу. На перевертыша вообще стало жалко смотреть: он прижал уши и опустил голову. Но когда оглянувшаяся Дэш уже собралась спросить, не желает ли тот вернуться, он отрицательно покачал головой. И, видимо, сделал над собой волевое усилие, так как пошел вслед за пегаской более уверенно.

Цоканье подков Рейнбоу и хитиновых копыт перевертыша были единственными звуками, нарушавшими зловещую тишину. Запах гари, жженого железа и химии стал сильнее, и захотелось замотать чем-нибудь морду. Но пришлось бы остановиться, а этого хотелось еще меньше, чем вдыхать всякую дрянь...

Совсем рядом с дорогой из воронки взметнулся всполох пламени, озарив все на мгновение злым оранжевым светом.

Рейнбоу рефлекторно отшатнулась, но, похоже, это уже были лишь отголоски бушевавшего тут пожара: вспыхнул то ли газ, то ли разлитое топливо.

Думы о возможных минах и тому подобных вещах не покидали голову пони. Не помогали даже фаталистические мысли. Хотя бы потому, что перспектива оказаться с оторванной конечностью заставляла внимательно смотреть под ноги...

Когда в голову Дэш уже полезли мысли о подземных залежах газа или просто степном пожаре, устроенном экипажем танка, стали попадаться и первые признаки прошедшего боя.

Так, прямо на обочине дороги, наполовину свесившись в воронку, замерла металлическая громада угловатой гусеничной машины с большими черными крестами на высоких бортах. Торчащая из бокового спонсона пушка была погнута, а рядом зиял черный провал дыры от попадания.

Не сговариваясь, все обошли поверженного левиафана по самому краю дороги, с которой никому даже не пришло в голову попытаться сойти.

Вокруг на земле виднелись следы гусениц, валяющиеся детали и покореженные останки машин, рваная колючая проволока, ушедшие в землю конструкции и постройки неясного

назначения. Правда, ничего такого не было на дороге, как будто ту проложили уже после того, как закончился бой.

Грубая угловатая броня, торчащие пушки и разбросанные детали, обломки бетона и дерева – и ни одного целого предмета.

Попалась криво стоящая сошедшая с развороченных рельс и увязшая в грязи пушка, в стволе которой взрослая пони могла бы жить, как в норе

Когда же дорога стала петлять между укрепленных окопов, Дэш уже мысленно приготовилась узреть в этом «безопасном» мире первые трупы, разорванные пулями, взрывами и лучами.

Впрочем, насчет последнего пегаска была не уверена: валяющиеся тут и там искореженные обломки имели вид старый и даже архаичный. Насколько Рейнбоу знала, современное оружие выглядело совсем не так. Даже тот странный танк вписался бы в это место с трудом.

Да и характерный для применения лучевого оружия запах озона и испарений хладагента начисто отсутствовал, а грубая клепаная броня машин была разорвана взрывами, но нигде не расплавлена.

В густом тумане проступали неясные образы: бегущие люди, взрывы, вспышки огня. А может, это было разыгравшееся воображение.

Так или иначе, все проходило в гнетущей тишине.

Внимание всех привлекло какое-то движение. В неверном свете размытых пятен, в которые превратились два солнца, Дэш смогла разглядеть невдалеке от Дороги разветвленную, хотя и несколько осыпавшуюся траншею. Бруствер был особенно сильно увит колючей проволокой, сохранившей даже некое подобие целостности, правда, местами все же был разворочен взрывами.

Вскоре взору путников предстали двое людей, которые стояли на противоположной стороне траншеи. Невдалеке в дыму угадывался силуэт колесного автомобиля, серого от пыли, но, по крайней мере, слышался тихий гул мотора на холостом ходу, а фары горели, рассекая душные сумерки двумя желтоватыми лучами.

Этот звук в царящей кругом тишине казался чем-то донельзя чужим. Чуть ли не до ломоты в зубах.

Первый человек был широкоплеч и крепко сложен, хотя до того же Алекса Вендара ему было довольно далеко. Одет в военного стиля штаны с тяжелыми ботинками, а на плечи небрежно накинул кожаную куртку-косуху весьма потертого вида. Часть лица скрывали темные очки, несмотря на царившие кругом сумерки, а голову венчало военное же кепи, слегка забитое

пылью.

Человек стоял на одном колене и молча тянул в траншею руку, поддерживаемый своим напарником.

Тот выглядел совсем не столь воинственно: одет в обычные джинсы, рубашку и жилетку. Стоя вплотную, он крепко держал своего друга за плечо. А еще, судя по выражению на небритом лице, ему не нравилось то, что делал здоровяк.

Эти двое тоже не особо вписывались в окружение. Как и Дэш с компанией, их из обстановки вырывали какие-то нехарактерные детали. Например, пластиковые темные очки или чуть сглаженные очертания почти скрытого в тумане автомобиля.

Разгоревшееся любопытство заставило Дэш подойти к самому краю дороги, откуда открывался вид на небольшой участок траншеи, уходившей по обе стороны вдоль дороги.

Внизу оказался еще один человек. В шляпе и плаще-пыльнике, надетом поверх замызганной военной формы. На дне укрепления плескалась вода, размывая землю в бурю грязь, но сидевшего внутри человека это, похоже, мало волновало. Он смотрел на развешенные по бревенчатым стенам траншеи истрепанные листки бумаги, в которых зоркий глаз пегаски распознал старые фотографии каких-то людей. Молодые и не очень, мужчины и женщины, молодежь и даже дети...

Дэш помотала головой. Ей показалось, что изображения на фотографиях двигаются. Не то чтобы это сильно удивляло: в Гигаполисе подвижные фото были уже привычной вещью, когда на небольшую карточку-дисплей программировалось цикличное видео.

Но здесь это казалось столь же неуместным, как рояль в кустах или типа того. Или там современный флаер среди всего этого архаичного хлама.

На лице человека, что тянул сидящему внизу руку, отражалось сочувствие напополам с отчаянием, когда он в очередной раз встретился взглядом с обитателем траншеи. Тот, не обратив на протянутую руку внимания, прополз по грязи чуть дальше и, сотрясаясь в сдавленных рыданиях, бросился на стену под одной из фотографий, где была отображена молодая пара....

К Рейнбоу Дэш подошли остальные попутчики.

Человек на краю траншеи поднялся, проводив взглядом ползающего по дну обладателя шляпы, лицо которого пони никак не могла разглядеть.

Все происходило по-прежнему в какой-то неестественной тишине, хотя, по идее, ее должны были нарушать обычные звуки мира: шаги, треск недалекого пламени. Наконец, хотя бы

дуновение ветра или хлюпанье грязи на дне траншеи.

Только тихо урчал автомобильный мотор.

Когда человек в кепи поднялся, стало заметно, что он куда больше своего попутчика, но при этом на лице его застыла какая-то застарелая боль. Увидев Рейнбоу Дэш, он вдруг улыбнулся и сделал к ней неуверенный шаг, будто забыв, что их разделяет траншея.

К счастью, рука друга вовремя дернула обтянутое кожаной курткой плечо. Люди переглянулись, и тот, что ниже, прикрыл глаза и отрицательно покачал головой.

Здоровяк еще раз бросил взгляд на стоящую в каких-то метрах компанию, но не стал больше делать попыток преодолеть траншею. Только прикрытые темными очками глаза, казалось, встретились на мгновение с рубинами Дэш, после чего на лицо человека вернулось прежнее выражение тоскливой обреченности.

Рейнбоу тоже не решилась окликнуть странную парочку, что направилась к стоящему невдалеке автомобилю, скрытому своеобразным туманом войны.

Вскоре послышались два хлопка дверей, мотор взрыкнул, и огни фар, немного отдалившись, укатились прочь. Судя по звукам, автомобиль заехал на дорогу. По крайней мере, Рейнбоу Дэш подумала, что гонять с такой скоростью по заваленному обломками полю при столь отвратной видимости было бы рискованым делом.

Невпопад вспомнились слова Брейна о том, что в Мире Дорог «правят колеса».

Взгляд вернулся к человеку в траншее. Тот, оставив фотографию молодой пары, переполз к другой, на которой Дэш с удивлением узнала того человека, что придерживал здоровяка на краю траншеи. Только на фотографии он был значительно моложе: еще без седины, и вообще чертами лица напоминал скорее юношу, чем взрослого, много повидавшего мужчину...

Тем временем человек в шляпе поднял глаза и увидел Рейнбоу с остальными. Небритое лицо с тяжелым взглядом воспаленных глаз озарила улыбка, и Дэш посчитала своим долгом поманить странного чувака копытом.

В конце концов, не просто так же их сюда занесло, верно? Рейнбоу уже готова была принять то, что в мире Дорог никогда и ничего не происходит без причины.

Глядишь, чего и объяснит...

Обитатель траншеи подался вперед, и даже поднял было руку, чтобы протянуть ее пони. Та еще мимоходом подумала, что гораздо легче человека, и если тот схватит ее за копыто и дернет как следует, то, скорее всего, они вместе полетят в грязь.

Взгляд пегаски выцепил еще одно подвижное изображение, где была, как ни странно, показана эта самая траншея. И как этот небритый, цепляясь за руку юной девушки с длинными светлыми волосами, стаскивает ее вниз. А потом еще кричит на нее. Кричит до тех пор, пока та, в грязи и слезах, не вылезает обратно. А обернувшись, получает комок грязи прямо в лицо.

Дэш опустила копыто обратно на землю, но обитатель траншеи, казалось, и сам передумал воспользоваться предложенной помощью.

Его взгляд вдруг упал на чью-то фотографию, на этот раз – улыбчивую круглолицую девушку в белом халате, после чего человек резко отвернулся и даже рефлекторно отодвинулся в тени, отбрасываемые в траншею кучами обломков. Обхватив себя руками, он вздрогнул и, казалось, забыл о существовании кого-либо вокруг себя.

«Ну и ладно, – подумала Дэш и подавила недостойное желание плюнуть вниз, – не очень-то и хотелось. Сиди себе там, коли охота!»

Она тоже отвернулась от траншеи и махнула крылом попутчикам.

То же чувство брезгливости она испытала, когда встретила того скрюченного лепрекона, что хотел выпить боль своих гостей.

А этот, из траншеи, был еще тупее: имея все возможности, предпочитал упиваться... чем там человеки упиваются, на дне грязной траншеи, вместо того, чтобы просто принять помощь...

И тут Дэш даже остановилась.

Ее пронзило понимание, как глупо и жалко выглядела со стороны из-за своей гордыни.

И стоило спуститься туда, в траншею, как можно было с легкостью утратить собственный путь, а то и забыть, как в пещере Румпеля. Хотя это была уже, похоже, паранойя: девушка с фото выбралась из траншеи без помех, если не считать мудацкого поведения обитателя.

Дэш мысленно поежилась. А она ведь чуть не поддалась жалости, и хорошо еще, сам этот тип из траншеи не задавался целью стащить пони к себе.

Но вот здоровяку в кожанке явно повезло так повезло: человек из траншеи не стащил его вниз, как ту девушку с фото. Да что уж, он даже не попытался принять помощь и вообще как будто не замечал. Хотя, вроде как, этот хмырь в траншее был странной парочке явно не чужой.

...Под эти мысли странное место скрылось из вида, но по краям дороги еще долго попадались остовы сгоревшей техники, укреплений и прочие следы войны.

Обломок бетонной стены, в проломе которой навсегда застыла подбитая гусеничная машина, больше всего напоминающая железный сарай с узкими окнами, был размалеван белой краской.

Рейнбоу, подойдя, рефлекторно вчиталась в неровные строки и даже остановилась:

На могилах стихают столетий шаги.

Здесь давно примирились бывшие враги.

Их минует горячечных дней череда:

За порогом земным остается вражда,

И ничтожная ревность о том, кто сильней,

Растворилась в дыму погребальных огней.

Об утраченных царствах никто не скорбит -

Там, где Вечность, не место для мелких обид.

Рядом встали Олли и перевертыш, на спине которого притихла Гаечка. Очевидно, мрачное место подействовало угнетающе на всех. Тем более здесь, в этом мире...

Рейнбоу Дэш, идя по дороге, не понимала, чем же ее так задела эта мизансцена в окопах неизвестной войны. В конце концов, кто такие были эти люди, зачем была эта встреча?

Но в сердце свила гнездо то ли обида, то ли еще что.

Почему человек в траншее не принял помощь? Зачем окружил себя образами людей, которые что-то, вероятно, значили в его жизни? И те двое... Они ведь явно среди этих знакомых. По меньшей мере, один из них. Они бросили обладателя шляпы в траншее... Тоже - почему?

Тем временем, дым и нагромождения обломков вокруг начали редеть. Ни одного мертвого тела компании так и не попало, и Дэш была благодарна неведомым падальщикам: на душе и так было тошно, так еще и наблюдать оставленное войной кровавое месиво не было ни малейшего желания...

Дорога вновь пошла слегка в гору, и Рейнбоу поняла, что за то небольшое время, что пробыла в дыму и сумерках, успела по-настоящему заскучать по унылому спокойствию мира Дорог.

Пегаска подавила желание пуститься вскачь. В конце концов, и нога еще не особо зажила, да и дышать этой пакостью во время бега было последним делом. Голова и так разболелась от продуктов горения, еще не хватало надыхаться этим до обморока.

Наконец, взобравшись на вершину пологого склона, пони мысленно пообещала себе больше никогда не жаловаться на климат и однообразный пейзаж мира Дорог.

Ветер бросил в мордочку запахи травы и сухой земли, и Рейнбоу с удовольствием вздохнула полной грудью. Она себя чувствовала так, будто задерживала дыхание все то время.

«Надыхаться можно только ветром», - подумала она.

- Дружба. Поразительная штука.

Голос перевертыша разорвал гнетущую тишину столь неожиданно, что спутники невольно вздрогнули. Гайка и Дэш обменялись задумчивыми взглядами, меж тем, их насекомоподобный спутник продолжил:

- Дружба является одной из самых сильных привязанностей в этом, да и в любом другом из миров. Она является надеждой, опорой, а порой и той тонкой соломинкой, способной поддержать отчаявшееся существо. Но в тоже самое время дружба - ослепляет. Друзья готовы закрывать глаза на выходки друг друга, будь то злые насмешки вперемешку с оскорблениями и попустительство лжи, а то и более сильные проступки. И вот что интересно, в то время как одни готовы отрезать от себя кусочек за кусочком, жертвуя своим счастьем ради друга, другой будет этим самозабвенно пользоваться и продолжать требовать все большего внимания к своей персоне. А может быть, он даже не заметит того, что окружающие хотят ему добра и делают все возможное, чтобы защитить его, будучи слишком сильно погруженным в свой внутренний мир?

Дэш ощутимо вздрогнула, лишь на мгновение вспомнив своих друзей из прошлой жизни...

Рейнбоу Дэш Вендар снова тусуется в компании Твайлайт МакАлистер и Дэш Хоул.

Идет какой-то самый обычный разговор о сегодняшних возможных поединках. В общем, бытовуха в понимании гладиаторов, и Дэш спрашивает подруг, а о чем те мечтают.

Вопрос застаёт обеих врасплох: и та, и другая пытаются перевести разговор на другую тему, но молодая пегаска настаивает. Уж если она что-то себе вбила в голову, то доведет до конца.

Не слушая подруг, Дэш рассказывает, о чем мечтает она сама. А о чем может мечтать лазурная пегаска, чье мировоззрение кажется твердым, как скала?

Дэш Вендар в те времена мечтает быть гладиатором на настоящей арене, в Колизее Гигаполиса, куда Алекс водил ее посмотреть на настоящие бои.

Где дерутся орки и настоящие боевые синтеты, могучие машины и огромные чудовища.

Потом молодая радужная пони повторяет свой вопрос, и теперь-то подругам не отвертеться.

Твайлайт МакАлистер вздыхает и смотрит совсем невесело:

- Ты не поймешь.

Дэш недовольно возражает:

- Эй! Я твоя подруга! Я все пойму.

- Я хочу убить кое-кого, - говорит фиолетовая гладиатор негромко.

Дэш, которая уже приготовилась отпустить язвительную шуточку, так и замерла с открытым ртом. А она-то думала, что Твай скажет что-то о жеребце, любящей семье, возможно даже приемных жеребятках.

На худой конец, о какой-нибудь книжной зауми.

Хоул же ухмыляется. Она-то давно все знает.

Дэш приходит в себя и говорит совсем не то, что хотела:

- Зачем? Разве того, что на арене пони иногда погибают, недостаточно? Зачем множить боль и смерть?

Твайлайт грустно качает головой:

- Я же говорила, что ты не поймешь.

Дэш задумывается ненадолго, затем спрашивает:

- Тогда объясни мне, почему единорожка с добрым сердцем, которая даже на арене старается быть милосердной, мечтает убить кого-то?

Щечки Твайлайт немного краснеют, она отводит взгляд.

- Речь о Найтмер Мун.

Дэш непонимающе хлопает глазами:

- Из сериала, что ли?

- Нет. Найтмер Мун МакАлистер. Нашу наставницу из лудуса.

После признания Твайлайт наступает тишина, которую не прерывает даже вечно циничная Хоул. Дэш открывает рот, но единорожка перебивает:

- Я знаю, что ты сейчас скажешь. Что таким образом я уподобляюсь ей, но я не собираюсь носить череп этой циничной твари с собой. Она должна получить по заслугам! Просто должна.

Чудесные фиолетовые глаза влажнеют. Счет к бывшей чемпионке, а теперь инструктору гладиаторской школы МакАлистер у Твайлайт-Второй весьма велик и болезнен.

Дэш закрывает рот, так ничего не сказав, а лавандовая единорожка отворачивается от подруги и надломившимся голосом произносит:

- Хороша мечта, ничего не скажешь... Но какая есть.

Вендар уже протягивает копыта, чтобы утешить подругу, но тут подает голос Хоул:

- А я мечтаю уйти на покой.

Это кажется еще большим шоком для всех присутствующих.

Дэш Вендар и Твайлайт ошарашено смотрят на старшую подругу...

Та обводит их взглядом:

- А что вы на меня так уставились, будто старой Хоул помечтать нельзя?

- Но ты же... - начинает младшая Дэш.

- В высшей лиге на третьем месте, да.

- Но... ведь это круто!

В глазах Хоул появляется грусть, а может быть это только кажется? Пегаска улыбается и говорит:

- Да я просто прикалывалась. На самом деле я мечтаю, чтобы меня жестко отодрали за раз пяток жеребцов и два человека.

Младшие пони моментально краснеют до кончиков ушей.

Обе они - совершенно неопытны в таких делах. В лудусе Твайлайт не нашла себе жеребца, да и не особо стремилась. Насилие же в ее отношении проявлять было некому: в школе гладиаторов дисциплина на уровне, а в клубе портить чужую собственность было накладнее, чем снять на ночь пони-шлюшку. А Дэш Вендар еще даже не подозревает, что ее привычному укладу жизни осталось меньше года.

Дэш, первой совладав с собой, спрашивает:

- А о чем мечтает Бейн Блейд?

Хоул в привычной для себя манере откидывает от лица челку и криво усмехается:

- Известно о чем. Об упругом крупе Спитфаер Хэнкок.

Старшая пегаска хрипло смеется, и вскоре к ней присоединяются по новой раскрасневшиеся Твайлайт МакАлистер и Дэш Вендар.

Эквестрийские пони, которых жестокие люди сделали гладиаторами себе на потеху...

...В то же время перевертыш, будто не замечая, закончил:

- В общем, странная штука эта дружба, - он вдруг повернулся к пегаске и увидел, какой эффект произвела эта речь, - ох... Прости, Рейнбоу Дэш.

Та, едва не скрипнув зубами, совладала с собой и произнесла, ни к кому в отдельности не обращаясь:

- Теперь, когда мы оттуда ушли, у меня дофига вопросов, и я понятия не имею, почему не спросила там.

- У тебя тоже? - удивилась Гайка, сидящая на спине пони.

Все, как по команде, обернулись на оставленное позади поле неизвестного боя.

- Мне сдается, - сказала Дэш задумчиво, - что там никто не может произносить слова.

- Зона тишины, - вдруг подал голос перевертыш, - и этим все сказано.

Все взгляды обратились на него, а пегаска неприязненно поморщилась:

- Только не начинай про магию. Еще этого нам тут не хватало... Просто не хотелось дышать этой дрянью, вот и все.

- Магия или нет, - вмешалась Гайка, - но слова над этим полем явно были лишними.

Олли неуверенно твякнула, а перевертыш перевел:

- В целом, она согласна с Гайкой. Так что ты в меньшинстве, Дэш.

Пони только фыркнула:

- Кому вообще какое дело? Какой-то придурок сидит в траншее, отвергая помощь и упиваясь своим ничтожеством.

Она слегка ускорила шаг, давая понять, что разговор закончен, но Гайка спросила:

- Никого не напоминает, Дэш?

Радужная пегаска не ответила и только поджала губы. А еще - подавила желание скинуть наездницу.

Рейнбоу очень, очень надеялась, что никто не проведет параллели между ней и тем, кто сам выбрал свою тюрьму.

К счастью, Гайка не настаивала на продолжении этого разговора, и вопрос так и повис в воздухе. Дэш мысленно пожелала, чтобы он так и забылся, и не потребуется вновь выворачивать душу наизнанку в попытке выучить очередной урок странного мира...

...Когда компания забралась на один из холмов, впереди показалась уже знакомого вида многоярусная авторазвязка. А еще зоркий глаз крылатой пони безошибочно различил ажурные конструкции железнодорожных мостов.

Если провести аналогию с виденным ранее, именно под такими монструозными развязками в этом мире располагались населенные пункты.

А значит, предстояло очередное испытание, теперь уже для всех четверых участников похода.

По крайней мере, Дэш была в этом уверена. Окинув угрюмым взглядом расплывчатую в дрожащем воздухе конструкцию, пони вздохнула и двинулась дальше по шоссе.

С ней поравнялся перевертыш, от которого не отставала белая лисица.

- Ты что приуныла, Дэш? - спросил он.

- Жду неприятностей. И устала. А еще - хочу жрать.

- Так впереди и отдохнем. Наоборот, хорошо.

- Смотри «пункт один». Ничего, кроме неприятностей, я от этого городка не жду. Двинули. Надеюсь, мы успеем набить брюхо раньше, чем снова начнется.

На ходу перевертыш снова повернулся к пони:

- Если ты ждешь неприятностей, может, обогнем город стороной?

Та только фыркнула:

- У нас еды на пару дней осталось. А еще - хрена мы мимо пройдем, даже если захотим. Так что я и так знаю, чем кончатся полные нытья и ругани несколько часов моей жизни в этом мире, если я попробую уклониться от очередного энкаунтера. Лучше уж сразу в бой.

- Вот это настрой! - улынулась Гайка, которая вальяжно улеглась на спине пони. Когда та

шла шагом, ей не доставляло труда удерживать равновесие. – А то все ворчала, ворчала.

– Раньше сядем – раньше выйдем, – резюмировала пегаска, решительно цокая копытами по дороге...

* * *

...Какое-то время они все шли молча.

Приближающийся городок выросал под транспортным узлом как живой, и Рейнбоу вдруг подумала, что же станется с жителями, когда дожди и ветра подточат-таки мощные конструкции эстакад и развязок на тридцатиметровой высоте.

Окраины городка, похоже, были подвержены тем же аномалиям, что и в самом начале пути. В городе-призраке, название которого Дэш уже успела забыть.

Здесь можно было видеть и висящие в воздухе конструкции, и странные искажения.

В этот раз странный мир «радовал» какими-то воздушными линзами, в которых отражалась окружающая обстановка. При этом – с несущественными, но раздражающими различиями.

Так, в одном из таких плывущих в воздухе «пузырей» Дэш различила всю их компанию, вот только вместо себя увидела Флаттершай.

После этого приглядываться расхотелось окончательно.

На пыльных улицах самого городка оказалось почти пусто.

Впрочем, всех могла разогнать по домам и кафе начинающаяся жара. К тому же, поднявшийся ветер повесил в воздухе пыль, выл в конструкциях над головой и вообще действовал довольно угнетающе.

Рейнбоу, мысленно сравнив этот городок с оставленным позади Блессин Шейдс, решила, что не задержится здесь ни минуты. Особенно с учетом пары мрачных личностей в шляпах, которые сидели в тени пожухлого дерева и пили из банок то ли пиво, то ли что-то еще.

Когда они провожали компанию взглядами, Дэш заметила, что у обоих вытянутые, острые уши,

злые красные глаза и антрацитово-черная кожа. При этом одинаково длинные снежно-белые волосы, хотя и несколько забитые вездесущей желтой пылью.

- Вард был прав, - сказала Гайка, - тут не только люди.

- Рожи напрочь разбойничьи, - резюмировала Дэш, - так что помни о своем обещании.

- Конечно.

Дорога, по обыкновению влившись в главную улицу городка, выдавала себя только более новым покрытием.

Этот городок совсем не походил на чистый и аккуратный Блессин Шейдс или спокойный и добрый Витваллё. Все буквально дышало запустением, и, казалось, городок в шаге от того, чтобы стать пустым призраком. Возможно, так и было в действительности.

А еще дискордовые искажения здесь маячили везде: парили в воздухе, висели на стенах и даже на деревьях. И хотя по мере приближения к центру городка их стало меньше, окончательно они не исчезли, заставляя быть настороже.

Когда же маленький отряд Идущих добрался до развилки, в глаза ударил свет заходящего солнца, как будто специально нашедшего лазейку между домов и конструкций.

Перевертыш повернулся к Дэш и сказал:

- Что ж, пришла нам пора попрощаться.

- Чего? - наострила уши Рейнбоу. - Куда это ты намылился?

- Туда, - показал собеседник дырявой ногой.

Рейнбоу проследила направление.

Одно из направлений вело чуть в сторону от основного маршрута, навстречу слепящему свету. И ни у кого не возникло сомнений, по какому Пути кому направиться.

Дэш мысленно плюнула, ощутив эту уверенность. В такие моменты ей по-прежнему думалось, что этот мир - всего лишь виртуальная реальность.

- Что, даже чаю не попьешь? - усмехнулась Рейнбоу.

Тон у нее был ироничный, хотя уши сделали попытку жалостливо прижаться при мысли о том, что попутчик оставит их едва сформировавшуюся команду.

- Нам тоже пора в Путь, - пояснил перевертыш. - И так потеряли кучу времени.

- «Мы»? - переспросила пони и тут же посмотрела на Олли. - «Потеряли»? Это как понимать?

У белой лисы вдруг сделался очень виноватый вид. Опустив глаза и уши, она села, обвив ноги пушистым хвостом.

- Она просит прощения, - сказал перевертыш, - что не сказала раньше.

- Но? - подала голос Гайка, почувствовав недосказанность.

- Но Олли всю жизнь молчала, когда нужно было говорить, а оказавшись в этом мире, она попыталась говорить, но ее никто не слышал... А я, вместо того, чтобы искать кого-то, кто может разделить со мной эту неподъемную ношу, пытался... Селестия побери, я себя чувствую так глупо теперь... Я пытался столько раз покончить с собой...

- Кстати! - вскинулась Дэш. - Ты ведь так и не сказал...

- Я не смог, - ответил перевертыш, - но никаких чудес. Просто... было страшно. Та попытка, что вы видели - жест отчаяния. Когда уже не отыграть назад.

Дэш поджала губы. Лишь на мгновение, вспомнив собственную неудачную попытку. Проклятый стоп-скрипт поведенческой программы тогда остановил и ее. И мучитель не оставил это без внимания...

Вытершись, она не стала одеваться - все равно Алекс сейчас будет пороть, так к чему лишние телодвижения?

Очень хотелось думать, что хозяин не будет ее насиловать хотя бы при госте.

Под эти мысли пони собрала все мужество и, отбросив висящие на полусогнутом крыле полотенце и одежду, вошла в зал.

Алекс и Фрэнк сидели на диване вместе и что-то вполголоса обсуждали. Они смолкли, когда Рейнбоу вошла и молча легла на топчан для порки, ставший настоящим символом ее страданий. Было уже все равно: пусть будет больно, пусть Алекс ее выпорет, а его приятель

посмотрит. Глядишь, в следующий раз копыто с ножом не дрогнет, замахиваясь на саму себя.

- Полюбуйся на это, Фрэнки, - сказал Алекс, пристегивая воспитанницу к топчану.- Сломана и апатична. Думает, сейчас потерпит - и все.

- Хороша, - невпопад отозвался Фрэнк. - И как выдрессирована!

Раздалось тихое бряцанье сбруи, и в следующий миг рот Рейнбоу наполнился соленым привкусом кожи и металла: в прошлый раз она до крови порвала губы об удила.

И без того призрачная надежда рассыпалась в прах: похоже, Алекс собрался изнасиловать ее прямо перед посторонним... Ну, для нее посторонним. Кажется, они давно знакомы, хотя раньше Фрэнк никогда не заходил.

- Развлечемся? - спросил тем временем гость.

Рейнбоу скосила глаза и увидела на ладони Фрэнка два автоинъектора. Судя по этикетке, это был слакс - наркотик, усиливающий чувства и принимаемый, в частности, для остроты ощущений во время секса.

- Слакс? - спросил тем временем Алекс.

- Агась, - на понячий манер отозвался приятель, подтверждая догадки обоих. - Я с Эпплджек своей давно уже применяю, полный улет. Только поняшке не вкалывай - тут доза великовата.

- Не люблю наркотики, - поморщился хозяин и погладил замершую в ожидании Рейнбоу по кьютимарке. - Я за натуральные впечатления. Правдивые.

- Не будь ханжой. Попробуй. Не понравится - никто не заставляет. Слакс привыкания почти не вызывает, разве что вкаатишь себе передоз. А тут ампулы отмерянные.

- Отстой какой-то.

Лицо Фрэнка исказила усмешка:

- А помнишь, как поням противился тоже? Кто в итоге оказался прав?

На суровом лице Алекса Вендара отразилась душевная борьба, окончившаяся легкой улыбкой:

- Ладно. Уболтал. Попробую. Но если не понравится - рожу разобью. Согласен?

- Согласен!

Рейнбоу не верила ушам. Алекс, ее Алекс, всегда жестко осуждавший даже выпивку, вдруг решил попробовать один из самых распространенных легальных наркотиков?!

Она попыталась что-то сказать, но от страха напрочь забыла об удилах во рту и издала только сдавленное мычание.

В следующее мгновение ее погладили по спине, вызвав дрожь страха и отвращения, которую Алекс всегда почему-то упорно принимал за возбуждение и страсть.

- Не беспокойся, поняша, - сказал хозяин. - И не забывай - ты наказана.

Рейнбоу зажмурилась, давя хлынувшие потоком слезы. Эти слова теперь уже давно означают совсем не то, что раньше. И это было настолько страшно и противно, что мысли о самоубийстве всколыхнулись с новой силой.

- Впрочем, - добавил Алекс, - для тебя нет худа без добра - порки не будет.

Двойной щелчок автоинъекторов известил о том, что наказание начинается. Рейнбоу, как и всегда теперь, попыталась расслабиться и найти в хозяйских объятиях хоть что-то приятное, но тщетно. Волна отвращения и боли, прокатившаяся по телу, мгновенно свела на нет все усилия.

И не слишком большой неожиданностью стало, что после того как с Рейнбоу закончил Алекс, на его место тут же пристроился Фрэнк. И тоже - грубо и нетерпеливо из-за принятого слакса...

...Через какое-то время Дэш потеряла счет времени. Она давно бы кричала, если бы не узда. Во рту снова была кровь от прокушенных губ, а задние ноги давно бы подкосились, если бы не подпорка под животом, заставляющая держать круп задраным...

«Селестия, пусть они перестанут! - билась в болезненном тумане мысль, пока Фрэнк шел на третий заход. - Когда уже вы выдохнетесь, торчки гребаные!..»

Ей делалось дурно при мысли, что завтра она будет чувствовать. И что за месиво останется в тех местах, где «повеселились» выродки. И в какую пытку теперь превратятся тренировки и даже простое посещение уборной.

Наконец, Дэш почувствовала, как Фрэнк тяжело отвалился от нее и отпустил едва не выданный в порыве страсти радужный хвост.

Кандалы щелкнули, а из-под живота исчезла проклятая подпорка. Пони обессилено рухнула на

топчан, когда раздался голос Фрэнка, искаженный наркотиком:

- Ну что, Алекс, похоже, мы достаточно ее разогрели? Давай теперь вместе?

Рейнбоу сдавленно заорала сквозь уздечку, даже не дождавшись ответа хозяина - он и так был очевиден.

Это было уже слишком. Правда, сил на сопротивление все равно не было.

Оставалось только молиться о том, чтобы все побыстрее кончилось...

- Нет, - неожиданно раздался голос Алекса, и Рейнбоу не поверила своим ушам. - Думаю, что с нее на сегодня хватит.

- Да брось, только разошлись как следует!

В голосе Алекса Вендара зазвучал металл:

- Я сказал, нет!

- Ну ладно, ладно,-пошел на попятную Фрэнк. - Твоя поняша - твои правила.

- Вот именно. И не забывай об этом.

Дэш с новой силой разревелась, но на этот раз - от облегчения. Несмотря на то, что с ней только что сделали, она была готова расцеловать Алекса Вендара, несущего воспитанницу в ванну на руках, пока Фрэнк заказывал шлюх через киберсеть...

Сейчас Рейнбоу была на все готова ради хозяина. Снова. От отвращения и ненависти к себе и своему малодушию не хотелось жить.

Алекс как будто с прежней заботой вымыл Дэш и отнес в домашний лазарет, где на всех нужных местах появились прохладные повязки с регенеративным гелем (или Рейнбоу надеялась, что это было чудесное средство).

Пока человек приводил в порядок тело пони, та успела успокоиться и даже перестать плакать.

Но это новое чувство относительно своего хозяина осталось.

И Рейнбоу Дэш Вендар не сразу до конца поняла, что это.

- Ты кое-что забыла сказать, Дэши, - сказал потом Алекс, укладывая подопечную в постель.

- Я тебя ненавижу, - тихо проговорила пони, закрыв глаза, затем повторила, вкладывая в единственное слово всю силу нового чувства. - Ненавижу...

- Я знаю, - спокойно отозвался Алекс и похлопал Дэш по щеке. - Это хорошо.

С этими словами он вышел из комнаты Рейнбоу, вернувшись к гостю, что терпеливо дожидался радушного хозяина.

Сама же пегасочка еще долго лежала, глядя в потолок и стараясь не думать о том, что приятная прохлада и щекотка под повязками - это приглушенная регенеративным гелем адская боль.

Ее переполнял странный коктейль чувств из ненависти, облегчения и благодарности.

«Покончить с собой? - подумала Дэш, поворачиваясь на бок и обхватывая себя копытами. - Ну уж нет... Не раньше, чем ты сдохнешь, ублюдок... Все вы...»

Пони не знала, но испытываемое ей чувство всепоглощающей ненависти было результатом окончательно слетевшего стоп-скрипта.

Правда, совсем не того, который остановил копыто Рейнбоу в этот день...

...Услышав голоса попутчиков, пегаска вынырнула из воспоминаний:

- Все хорошо, Дэш, - сказала Гайка, уже привычным движением глядя пони по шее. - Все хорошо. Мы здесь, с тобой.

- Ну и катитесь, - сказала, наконец, Рейнбоу, чувствуя, что сейчас позорным образом даст волю чувствам. - Одни неприятности от вас.

- Не сердись, - сказал перевертыш, улыбнувшись чуть виновато, - просто мы теперь с Олли... связаны. Она так долго помогала другим в мире Дорог, и, наконец, встретила того, кто может помочь ей самой. Хотя бы пройти по своему Пути. Вы же уже поняли, как это важно.

- Спасибо, что хоть попрощался, - буркнула пегаска, - а не исчез среди ночи.

- Дэш, - перевертыш подошел ближе, - поверь, мне тоже очень не хочется расставаться.

- Да ну? - саркастически спросила пони. - И почему же?

- Потому что ты такая, каким хотел быть я. Но я сломался. А ты осталась сильной, просто потрясающей, а еще - очень доброй. Хотя и отрицаешь это.

Рейнбоу вздохнула.

Если бы только окружающие знали, как ей осточертело быть «сильной», «первой» и вообще оправдывать чьи-то ожидания.

- Кроме того, - добавил перевертыш, будто угадав ее мысли, - есть еще одно, без чего я никак не могу попрощаться с тобой, Рейнбоу Дэш.

- И что же? - буркнула пони.

Перевертыш вдруг подался вперед, обхватил передней ногой шею Дэш, едва не задев Гайку, и в следующую секунду страстно поцеловал пегаску.

В губы.

Гайка от такого, похоже, потеряла дар речи, к тому же, ей пришлось приложить некоторые усилия, чтобы удержаться на спине пони, когда лазурные крылья с хлопком расправились. Сама же Рейнбоу попросту оторопела от такой наглости и отвращения. А у Олли даже шерсть на загривке встала дыбом.

Это совсем не походило на искусственное дыхание, которое Дэш приходилось делать перевертышу накануне. Да и зубы он как будто почистил, хвала всем высшим силам, кто бы тут за них ни был...

...А в следующий миг перевертыш отлетел на дорогу, а Рейнбоу Дэш с рыком прижала его к земле и стала с остервенением мордовать, сопровождая каждый удар подкованного копыта словами:

- Ты! Спер! Мой! Первый! Поцелуй!!!

- Скажи еще, что тебе не понравилось, - воспользовавшись паузой, проговорил перевертыш, который не был уверен в целостности всех зубов.

- Я убью тебя!!! - взревела пони и сомкнула копыта не горле перевертыша.

Тот захрипел и попытался разорвать смертоносные объятия, но куда там.

- Рейнбоу, прекрати! - совладала, наконец, с собой Гайка.

- Щас! Прекращу! Вот только раздавлю этого таракана-переростка!

Олли что-то зарычала, стоя рядом, но ее никто не слушал: единственному, кто ее понимал, было не до перевода.

Гайка, судорожно вцепившись в ворот куртки, прекрасно понимала, что физически ничего не может сделать. Оставалось надеяться на убеждение:

- Дэш, в этом мире нельзя убивать!

- На хвосте вертела!

Мышка поморщилась. Действительно, как ни крути, аргумент был так себе. Вдруг ее осенило:

- Рейнбоу! Ты ведь делаешь то, что он хочет!

Перевертыш, у которого перед глазами уже шли разноцветные круги, вдруг почувствовал, что копыта на его горле немного ослабили захват.

- Чего? - переспросила пони.

- Ты помнишь, в какой ситуации мы его нашли? - надавила Гайка. - И ты решила исполнить его первое решение?

Рейнбоу отпустила перевертыша и отошла на шаг. Она тяжело дышала и покраснелась от усилия. А может, от чего-то другого.

Олли, неодобрительно твякнув, подошла к перевертышу и лизнула его в щеку. Тот осторожно погладил копытом белый мех на спине и поднялся на ноги. Прокашлявшись, он хотел что-то сказать, но был отброшен на землю ударом голубого копыта.

Мир кувырнулся перед глазами, и сквозь звон в ушах послышался голос Гайки:

- Дэш!

Перевертыш обнаружил себя лежащим навзничь с болью в челюсти и звенящей головой. Помотав ею, он приподнялся и увидел валяющийся на земле клык. И как будто только сейчас почувствовал во рту привкус крови.

Он сглотнул и сказал, постаравшись улыбнуться так, чтобы не потекло изо рта:

- Ничего, я заслужил.

- Это уж точно! - бросила Дэш, исподлобья глядя на свою несостоявшуюся жертву. - Какого сена ты это сделал?

На мордочке Олли читался тот же самый вопрос. А Гайка, хоть и смотрела с любопытством, ничего не сказала.

Поднявшись и отряхнувшись, перевертыш взглянул на все еще взбешенную Дэш.

- Это, - сказал он, - послужит нам обоим напоминанием о том, что мы все еще живы. И все еще можем чувствовать и желать, несмотря на все, что случилось в нашей жизни. В той или в этой. И я не забуду ни поцелуя, ни пощечины. Прощай, Рейнбоу Дэш. Прощай, Гайка.

- Прощайте, оба, - отозвалась мышка, - и пусть твой Путь будет легким.

Рейнбоу же ничего не сказала, и только молча провожала две удаляющиеся фигуры повлажневшим взглядом рубиновых глаз.

Именно сейчас в голову упорно лезли мысли о том, что белая лисичка сделала для нее, Рейнбоу Дэш. Вроде бы, ничего особенного, но именно она первая бросилась на волка-Алекса, она же не позволила взволнованному Соарину Пишчеку найти свою давнюю, давно перегоревшую любовь и разрушить свою новую жизнь ради осколка прошлого.

«А теперь нашелся тот, кто еще больше нуждается в ее помощи», - грустно подумала пегаска и хлюпнула носом.

Она моргнула, почувствовала, как слеза готова сорваться с глаза и смахнула ее копытом.

Захотелось догнать и обнять на прощание белую лисичку, но пони сдержалась. Побоялась, что в такой момент не сдержится и попросту разревется.

Алое солнце висело низко, и долго смотреть на него было неприятно. Вдруг в подернутом рябью воздухе пегаске почудилось, что в красных лучах вместо лисы на мгновение проступил человеческий силуэт. Очертания девушки с белыми волосами, одетой в привычные для Рейнбоу джинсы и куртку...

- Ты плачешь? - вдруг спросила Гайка.

- Конечно нет! - фыркнула Рейнбоу, стараясь не показывать истинных чувств. - Пойдем, перекусим, что ли. Все это заставило меня дискордовски проголодаться. То обвалы, то пожары, то еще что... надоело. Пожрать спокойно не дадут.

Гайка вздохнула. Ей тоже было не по себе. Она как-то привыкла к безмолвному присутствию белой лисички, и сейчас, когда та уходила по новой дороге, чувствовала какую-то пустоту.

- Ладно, идем, - сказала мышка, отведя взгляд и похлопав Рейнбоу по шее. - Я, признаться, тоже проголодалась.

Пони кивнула и зацокала по пыльной улице городка, вдоль которой тянулись небольшие и слегка обветшавшие дома. Люди хоть и выглядели дружелюбными, но во взглядах читалась некая обреченность.

Причем крылья пегаска так и не сложила.

Мышка знала, что у пегасов от «Хасбро» крылья рефлекторно расправляются от сильных эмоций, а еще от сексуального возбуждения. Ей вдруг неудержимо захотелось подшутить над этим, но пони, словно почувствовав это намерение, резко обернулась, нахмурившись, и Гайка сочла за лучшее промолчать.

Когда позади осталась пара перекрестков, мышка решила спросить:

- Дэш, а ты что, и вправду никогда раньше не целовалась?

- Представь, - мрачно отозвалась пони.

Она не обернулась и не сбавила темпа. Только грустно опустились голубые уши.

- Как же так?

- А вот так, - крылья Рейнбоу, наконец, расслабились и легли на место. - Алекс никогда меня не целовал, даже в детстве на ночь. А Соарин не успел... потом же стало поздно. Парадокс, да? Затраханная во все щели, но нецелованная...

- Прости... - вздохнула Гайка и снова погладила поняшу по шее.

- Проехали. Между нами, поцелуй этого чудика был не так уж плох, хотя мне не с чем сравнить.

После этого Дэш шла какое-то время молча с Гайкой на спине, пока снова не расправила

крылья на ходу.

Мышкаспросила:

- Думаешь о нем?

Кончики ушей Дэш покраснели, что не ускользнуло от внимания, но ответила не сразу:

- Угу... Не выходит из головы, и все тут.

- Хочешь, расскажу о своем первом поцелуе?

- Давай, - буркнула пони, - хоть отвлекусь...

...Настоящая комната в игрушечном доме. Многие производители синтетов маленького роста выпускают для них полные наборы удобств: одежду, мебель, посуду, даже полностью оснащенные дома.

Все это стоит денег, разумеется, и немалых с точки зрения простого обывателя любого Гигаполиса, но для ТиммиФитцджеральда отец не жалеет дорогих игрушек. Даже если эти игрушки не пластиковые, а живые.

Впрочем, маленький миллионер ломает с одинаковой легкостью и те, и другие.

Гайка Коннорс, свернувшись комочком под одеялом, тихо вздрагивает от сдавленных рыданий.

Прежняя хозяйка относилась к живым игрушкам как к куклам. С нее, конечно, стало бы спеленать кого-то до состояния, когда трудно дышать, да так и забыть на столе. Но другие синтететы в таком случае всегда могли помочь и хотя бы с наступлением вечера распутать несчастного.

Но Тимми устраивал с живыми игрушками настоящее кровавое шоу. И что с того, что это все было в детских мультиках, в том числе двухвековой давности? Для живых, а не мультяшных героев, все это было настоящей борьбой за выживание.

И то, что при этом Тимми использует технику, собранную из подручных материалов самой Гайкой, повергает мышку просто в черное отчаяние.

Она пыталась отказаться. Но Тимми умел добиваться своего. Едва он брался за кусачки или

молоток, мышка соглашалась на все. И никто из новых знакомых ее не осуждал: все знали, что маленький живодег бы не остановился.

К счастью, Гайка обладает достаточными знаниями и может уменьшить убойную силу ловушек настолько, чтобы свести ущерб к минимуму. И вместо переломов и оторванных конечностей Чип, Дейл и Рокфор получают лишь синяки и ушибы.

Брейн, который все это заметил, вечером высказывает все еще бледной мышке свое восхищение и целует руку.

В дверь раздается стук, вырывающий Гайку из воспоминаний.

Она не отвечает. Ей не хочется никого видеть, но дверь открывается. Тихие шаги, потом звук придвигаемого табурета.

- Гайка, - негромкий голос, принадлежащий Джерри, - спасибо.

Мышка под одеялом вздыхает. Джерри чуть не погиб на сегодняшней адской полосе препятствий, что устроил Тимми с ее, Гайки, помощью. Но сила пружин мышеловки была ослабленной, и мыш получил ушиб вместо перелома спины.

- Не стоит, - отвечает она в надежде, что собеседник уйдет, - я должна была отказаться.

Ответ следует незамедлительно, а на прикрытое одеялом плечо ложится рука:

- Никто не может отказаться, если его начинают пытаться. Мы все это понимаем... И все прошли через это.

Гайка не отвечает, а на глаза, которых Джерри не может видеть, снова наворачиваются слезы. Она находит в себе силы вылезти из теплой духоты одеяла.

На мультяшной мордочке выражение скорбного сочувствия и понимания смотрятся чуждо и дико. Джерри сидит, слегка сутулясь: очевидно, завязанная эластичным бинтом спина еще болит.

- У твоей прежней хозяйки так не было? - спросил тем временем Джерри.

- Было, - вздыхает мышка, - но не так. Не... умышленно. Просто по детской наивности.

Джерри берет ее руку в свою. В этом они похожи: отстоящий палец, отсутствие когтей, почти человеческие кисти, разве что с четырьмя пальцами. Стандартно для фурри, в общем, даже

таких миниатюрных.

- Ни у кого из нас, - говорит Джерри, - не изменилось отношение к тебе после того, как Тимми заставил тебя собирать механизмы. Это даже лучше - покупные мышеловки рассчитаны на убийство. Предыдущий Джерри, как мне сказали... не будем об этом.

- Я понимаю, - тихо говорит Гайка, - но ничего не могу с собой поделать.

Она, не выдержав, подается в объятия бурого мыша, который, оторопев на мгновение, наконец, обнимает ее и прижимает к себе.

Джерри долго молчит, обнимая и поглаживая сотрясающееся тело Гайки, пока слезы не иссякают.

- Спасибо, - тихо говорит мышка спустя несколько минут, - что простили меня.

- Нам не за что прощать тебя. Мы тут как будто на войне, а ты - светлый лучик в этой бесконечной ночи.

- Да ты еще и поэт, - Гайка натянуто улыбается, но Джерри серьезен:

- Если это поможет, я могу попробовать... для тебя.

Гайка вдруг чувствует, что краснеет.

Она смотрит на мыша, и тот говорит:

- Я бы все сделал, чтобы ты всегда так улыбалась, Гайка.

- Все-все? - уточняет она и добавляет прежде, чеммыш успеваает ответить. - Тогда поцелуй меня на ночь.

Гайка выпалила почти не думая. Ей просто хочется смутить Джерри, чтобы не ей одной тут сидеть с красными щеками.

Но мыш покорно наклоняется к миловидному лицу, что подается навстречу.

Джерри метил в щеку, но Гайка, мимолетно коснувшись его губ поцелуем, откидывается обратно на кровать. Черное отчаяние отступило, сменившись робкой надеждой на то, что все будет хорошо.

Джерри поднимается со стула.

- Я пойду, - говорит он, - а то уже поздно. Спокойной ночи, Гайка.

- Спокойной ночи, - мышка одаривает его улыбкой, - и спасибо...

Гайка закончила рассказ. Мысленно она уже приготовилась к едкой иронии, за которой Рейнбоу Дэш всегда прятала свои истинные чувства.

Но та молчала, продолжая размеренно цокать по дороге.

- Знаешь, - сказала пони после паузы, не оборачиваясь к мышке. - А ты помнишь, что доктор Салазар говорил? Что мир Дорог отвечает на вопросы. Но вот я ни сена не понимаю, на какой вопрос он отвечает последние пару дней. Назовите меня тупой кобылой, если хотите, но я в душе не представляю, что делать после того, как мы победили волка.

- Может быть, надо исправить какую-то ошибку? - предположила Гайка.

Рейнбоу, ноздри которой защекотали ароматы чего-то съестного, только фыркнула:

- Какую? Не то чтобы у меня не было ошибок в жизни, но как?

- Представления не имею, - призналась мышка. - Может, тогда надо попросить прощения, как доктор Хаузер?

Ноги привели Рейнбоу на порог довольно милovidного летнего кафе, откуда умопомрачительно тянуло какими-то супчиками, сдобой и знакомым по миру Гигаполиса запахом фастфуда.

- Запомни, - сказала Дэш, на мгновение задержавшись в дверях, - нет никого, у кого мне надо просить прощения, как Хаузеру.

С этими словами она вошла в кафе. Одновременно где-то в глубине заведения тренькнул звонок, очевидно, привязанный к дверям.

Гайка уже хотела что-то сказать, но пегаска вдруг ощутимо вздрогнула, а голубые крылья распахнулись от шока с резким хлопком, едва не сбросив Гайку.

Пони попятилась, но захлопнувшиеся двери открывались внутрь, и удалось только беспомощно упереться в них крупом.

- Добро пожаловать, - сказал низковатый женский голос, - в закусную «Вондерболтс»...

<http://tl.rulate.ru/book/82091/2554368>